

ЛИНГВИСТИКА

Н.М. Сабельфельд

Новосибирский государственный педагогический университет

Язык Погодинского летописца: о соотношении текстов сибирских летописей

Аннотация: Статья посвящена анализу языковой организации Погодинского летописца.

Ключевые слова: летопись, текст, глагольная форма, паратакис, союзные средства.

Как известно, сибирские летописи – это памятники XVII века чертами исторических и воинских повестей, объединенные тематически: в основе каждого текста лежит рассказ о покорении Сибири. Составители многочисленных текстов сибирских летописей в качестве источника материала опирались, как правило, на одни и те же исходные тексты (Написание Ермаковых казаков, Синодник, татарские летописи, грамоты), следуя в изложении и стилистических приемах образцовым книжным текстам, какими в их представлении являлись тексты Писания или Хронографов. При этом они добросовестно компилировали разные источники, поскольку компиляция была основным литературным приемом той эпохи [Дергачева-Скоп, 2000]. Но несмотря на значительные текстовые пересечения и совпадения, сибирские летописи отличаются друг от друга конкретными деталями, отношением к излагаемым событиям, а также стилистической и языковой организацией, так как в каждом тексте повествование строилось в соответствии с определенными коммуникативными задачами, которые стремился реализовать автор-составитель, и отражало свойственный автору уровень книжной учености и опытности в книжном деле.

Эти различия, обнаруживаемые при сравнении даже очень близких текстов (например, Есиповской летописи и Румянцевского летописца или Есиповской летописи и Погодинского летописца), представляют большой интерес для лингвистического анализа с точки зрения проявленной в них индивидуальной языковой личности и языковой компетенции авторов-составителей, что и определяет уникальность каждого текста.

В данной статье анализируется языковая организация Погодинского летописца (далее – ПЛ), опубликованного в [Летописи сибирские, 1991] в сопоставлении с текстом Есиповской летописи (далее – ЕЛ) основной редакции по Сычевскому списку (текст опубликован в [ПСРЛ, 1987]).

Профессиональные книжники XVII века (В.В. Данилов, например, говорит о сословии специалистов письма, профессионалов «диячьей избы», появившихся в этот период [Данилов, 1955]) владели нормами стандартного книжного языка канонических церковных памятников и гибридного книжного языка. Общеизвестно, что обучение книжному делу (и грамотности вообще) строилось на чтении и переписывании образцовых церковных текстов [Живов, 1995]. Однако, система языковых средств, которую использовали русские книжники, изначально носила гетерогенный характер, поскольку в ней сосуществовали восточнославянские и церковнославянские элементы, порождая возможность выбора. «Выбор вариантов

указывал на традиционность текста, на те образцы письменного узуса, к которым должен примкнуть новый текст. Если текст создавался в определенной жанровой традиции (летописной), выбору вариантов был свойствен консерватизм. В текстах, где жанровая традиция оказывалась прерванной, возрастала пропорция инновативных форм» [Живов, 2004, с. 59]. Составителям летописей нередко приходилось обращаться к местному материалу, для изложения которого на начальном этапе еще не сформировались стереотипы, что способствовало интерференции книжных и некнижных языковых средств. В таком случае степень интерференции разнородных элементов зависела от мастерства, литературного опыта и языковой компетенции автора.

Как показала Е.К. Ромодановская, ЕЛ была памятником зарождающейся «русской литературы в Сибири и представляла собой попытку оценить и осознать историю Сибири изнутри» [Ромодановская, 2002, с. 94]. Стремясь изобразить присоединение Сибири к России как факт, заранее предрешенный волей Божьей, автор-составитель активно проявляет себя в тексте, давая моральную оценку событиям и персонажам, эмоционально выражая свое отношение. Следуя книжным образцам, Савва Есипов умело переработал имевшиеся в его распоряжении письменные источники информации, такие, как Написание Ермаковых казаков, Синодник и татарские летописи, воссоздав древнерусскую летопись не только в общих принципах отбора и изложения материала, но и в использовании языковых средств. Компилируя фрагменты Хронографа, он устранил книжные излишества более позднего времени и весьма умеренно использовал «плетение словес» даже в самых высоких риторических моментах летописи. Цитаты из деловых документов, отражающих иной языковой регистр (деловой), он также обработал в едином стилистическом ключе. Вследствие этой работы гетерогенность текста ЕЛ оказалась сглаженной, повествование приобрело черты гибридного книжного узуса, который характеризовался архаичной системой склонения и спряжения, например, сохранением в повествовании простых претеритов, предикативным употреблением кратких действительных причастий, инфинитивом на *-ти*, использованием оборота «дательный самостоятельный» и др., и незначительными вкраплениями элементов делового узуса.

Относительно текста ПЛ можно сказать, что его не пронизывает единая авторская концепция. Даже поверхностный анализ ЕЛ и ПЛ показывает высокий процент дословного совпадения обоих текстов в основной части повествования. Ср., например, главы: «*О княжении сибирских царей и князей*», «*О царе Кучуме*», «*О пришествии Сейдяка*», «*О взятии городов и улусов*» и др. Но текст ПЛ отличается от ЕЛ обилием всякого рода уточнений, в том числе географических. Совершенно очевидно, что свою задачу составитель видел в наполнении конкретными сведениями достаточно абстрактного и обобщенного повествования о покорении Сибири, представленного в ЕЛ. Географические справки приводятся в тексте при каждом удобном случае. Например: «*В сию же реку Туру вниде с правой стороны река Салвада да Тагил. Как пловучи Турою рекою до Верхотурья к Туринскому острогу, а Туринской острог стоит на той же реке Туре на правой стороне. А река Тура ниже города Тюмени многими поприщи пала в реку Тоболу... А выше Тоболска многим расстоянием на той же реке Иртыще стоит город Тара*».

Кроме того, ПЛ дает подробное описание пути дружины Ермака [Летописи сибирские, 1991, с. 68], встречаются выражения, отражающие знания воинского дела: «*с возненным боем*», «*в пансири тягче*», «*ратные люди*», «*на войну иттить*», «*языка тотарского не изымаша*», «*ясаул казачей*», «*устройно ополчитись*» и др. Возможно, автор ПЛ был очевидцем или участником сибирского похода Ермака [Ромодановская, 2002, с. 201], хотя описания столкновений казаков с туземцами не отличаются деталями, сохраняя стилистику и общие формулы воинской повести, характерные и для ЕЛ. Ср., например, главы «*О бою под Чюваше-*

вым» и «О взятии городков и улусов», в которых явно просматривается влияние Хронографа.

В отличие от ЕЛ в тексте ПЛ заметно меньше нравоучений, риторики и цитат из Писания, на первый взгляд кажется, что в обработке исходного текста проявилось авторское стремление к демократизации стиля изложения [Панин, 1994, с. 162]. В то же время в ПЛ достаточно контекстов с попытками «плетения словес», витиеватостью, напоминающей «маньеризм», очевидно, связанный с авторскими представлениями о «книжности». Ср. соотносительные фрагменты: «...прослави Бога..., яко яви ему государю такуюю **превеликую богатую милость**» (ПЛ) – «...прослави Бога..., яко явит такую свою милость» (ЕЛ); «...во многих местех поставишася гради и села, **веси, в них же множество внутренняя жителя православных пребывания быша, паче же просияюще в велепенную славу Отцу и Сыну и Святому Духу**» (ПЛ) – «...во многих местех поставишася гради и святыя божия церкви, и монастыри создашася во славословие Отцу и Сыну и Святому Духу» (ЕЛ); «**Боже, помози нам, рабом своим, и прослави свое великолепное имя святое, где было безбожие!**» (ПЛ) – «**Боже, помози нам, рабом своим**» (ЕЛ) и под.

Как и в ЕЛ, конкретных дат в тексте ПЛ мало. Главным временным ориентиром для составителя ПЛ является гибель Ермака, поэтому и описываемые события он выстраивает в два ряда: до гибели и после, корректируя отклонения в хронологии исходного текста. Так, он точно помнит, что московский воевода князь Болховский (в тексте – *Волконский*) пришел в Сибирь уже после гибели Ермака. Останавливая плавное течение рассказа, он акцентирует внимание читателя на этом факте, делает отсылки вперед, повторяет уже сказанное, в результате чего изложение становится сбивчивым. Ср. в главе «О послании к государю к Москве сь сеунчем»: «С ними же государь послал воевод своих князя Семена Волконскаго да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева сына Глухова... А Ермаку указал государь быть к Москве, и **Ермак в тое пору убит, покамест сеунишки ездили к Москве. О убиении Ермакове речется после сих, а как Ермак был жив еще в Старой Сибири до убиения своего**» и в главе «О государевых воеводах с Москвы» через несколько страниц: «**Князь Семен Волконский пришил в Старую Сибирь, что был царя Кучюма город. А Ермак уже убит до князя Семенова приходу**». Ср. также название главы «**О послех от Карачи во град Сибирь, как еще Ермак жив бысть**».

Вставки четко выделяются в тексте ПЛ, усиливая его неоднородность. Текстовые «швы» хорошо заметны, поскольку нарушают связность текста, а порой и общую логику. Приведем несколько соотносительных фрагментов из ЕЛ и ПЛ, которые демонстрируют «ошибочные» чтения», возникшие в ПЛ в результате механических вставок или упрощения исходного текста.

ЕЛ	ПЛ
«Сия бо Сибирская страна полунощия отстоит же от Росии царствующаго града Москвы многое расстояние, яко до двою тысяч поприщ суть . Сих же царств Росийскаго и Сибирские земли облежит Камень превысочайший зело».	«Сия убо Сибирская страна полунощия отстоит же от Росийского государства, от царствующаго града Москвы многое расстояние, яко до двою тысяч <i>и трех сот верст до первого сибирскаго града Верхотурья, а ходу зимним путем з большими возы семь недель. А стоит город Верхотурье на реке на Туре, на левой стороне. Суть же промежь Московскаго государства и Сибирские земли облежит Камень превысочайши</i> ».

Во фрагменте ПЛ исходный текст разрывается топографическими уточнениями перед словоформой *суть*, которая затем оказывается включенной в предикативную единицу, имеющую собственный предикат *облежит*, и образует вместе с ним «фантастическую» форму сказуемого – *суть... облежит*.

ЕЛ	ПЛ
«Царь же Кучюм царствова в Сибири лета доволна во изобилии, радости и веселии, дани и оброки со многих язык имаше даже до лета повеления господня, в ня же бог восхоте царство его разрушити и предати православным христианом».	«Царь же Кучюм царствова в Сибири лет доволно, во многом богатстве, в своей бусурманской славе, и дани, и оброки со многих людей иноязычных имяше . И по сем царь Кучюм посла сына своего Алея с ратью воевать в Чюсовую...А за год до того времени, как Кувчюмов сын дошол на Чюсовую, некто был в Сибири же пелымский князь Аплыгарым, воевал своими татараы Пермь Великую в лето же повеленья государя, в неже Бог восхоте царство его разрушити и дати православным крестьяном».

После слов «дани и оброки со многих людей иноязычных *имяше*» составитель ПЛ отвлёкся на подробный рассказ о сыне Кучума Алее и пелымском князе, затем продолжил повествование с места разрыва, вследствие чего последний фрагмент оказался синтаксически и семантически связанным со вставкой: ‘был в Сибири **пелымский князь Аплыгарим**, воевал со своими татарами Пермь Великую в год повеления государя, когда бог восхотел разрушить **его** царство’. Здесь явный текстовый алогизм, так как изначально имелось в виду разрушение царства Кучума, ср. тот же смысл в ЕЛ.

ЕЛ	ПЛ
«Сии же злоратные мужие...дыхающе гневом и яростию, одеяни же железом и меднощитницы и копиеносцы и железострелцы ».	«...Погании же пустиша тмочислении стрелы, а сами одеяни же железом и меднощитницы ».

В данном случае в основе обоих фрагментов лежит описание битвы греков с болгарами, приведенное в Хронографе: «*Вси железом одеяни, меднощитницы и копиеносцы и железострельници*» (цит. по [Ромодановская, 2002, с. 218]. С. Есипов сохранил общую стилистику и смысл: ‘одеты железом (латами) и меднощитники, и копьеносцы, и железострельцы’, т.е. все вооруженные воины. Составитель ПЛ, очевидно, не ясно понял смысл отдельных слов и сократил исходный текст неудачно, в результате чего читается: ‘сами же одеты латами и меднощитницами (медными щитами)’ (см. перевод: [Сибирские летописи, 1987, с. 73]). Существительное *меднощитницы*, обозначающее ‘род вооруженных воинов’ (в исходном тексте это форма именительного падежа мн.ч.), оказалось в сочинительном ряду со словом *железом* как форма творительного падежа мн.ч. и получило значение ‘род защитной одежды, медные щиты’. Здесь мы видим пример того, как слово со стершимся для носителя языка значением в окружении других слов обновляет свою семантику под влиянием грамматического значения, навязанного ему контекстом.

ЕЛ	ПЛ
«По сем же думный его Карача своими людми, иже бысть дому его , отыде от царя Кучюма» – ‘После этого думный его Карача со своими людьми, которые принадлежали его дому , отошел от царя Кучюма’.	«Тогда думной его Карача своими людми, иже весть вся дума его , отойде от царя Кучюма» – ‘Тогда думной его Карача со своими людьми, который знает все мысли (думы) его , отошел от царя Кучюма’.

Фрагменты обоих текстов совпадают почти полностью, но в ПЛ появляется ошибочная конструкция с именительным объекта «*весть вся дума его*». Дефектность конструкции состоит в том, что она включает спрягаемую форму (настоящее время) вместо инфинитива. Конструкции «предикативный инфинитив переходного глагола + именительный падеж прямого объекта» выражали долженствование и были более характерны для языка деловых документов [Стеценко, 1972, с. 88–91]. В ПЛ конструкция оформлена как определительное придаточное, относящееся к существительному *Карача*, а не к словосочетанию *своими людми*. Ско рее всего, здесь имеет место порча исходного фрагмента.

ЕЛ	ПЛ
«...писаша..., что царство Сибирское взяша и царя Кучюма и с вои его победиша, под его царскую высокую руку привели многих живущих тамо иноземцов, тотар и остяков и вогуличь и прочая языцы. И к шерти по их вере привели многих... ».	«И писали..., что...царство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели, и к шерти их привели, а сибирскаго царя Кучюма и с его детми с Алеем да са Алтынаем, да с Ышимом и съ его вои победиша, и брата царя Кучюмова Маметкула розбиша же. А иноязычных многих людей: татар, и остяков, и вагуличь привели к шерти по их верам... ».

Соотносительные фрагменты являют пример обработки Шертной грамоты, содержание которой почти полностью отразилось и в ЕЛ, и в ПЛ. Но если в ЕЛ читается связный текст с языковыми элементами делового письменного регистра, скорректированного С. Есиповым и гладко сочетающегося с книжными элементами, то фрагмент ПЛ предстает необработанным: чтобы восстановить нарушенную вставкой о детях Кучюма связность повествования, составитель ПЛ вынужден повториться.

В тексте ПЛ можно отметить и другие случаи нарушения логики повествования. Ср.: «*И по сем Адоров сын Мамет казанского царя Упака уби и град Чинги разруши и отойде оттуду внутрь Сибирские земли, и постави себе град на реке Иртыше, и назва его град Сибирский, сиречь начальный, что ныне словет Старая Сибирь, от города Тоболска вверх рекою Иртышем 12 верст*». – Добавив в текст географическую справку и тем самым перебив повествование, составитель забыл, что речь шла о Мамете и реке Иртыше, сделал фактическую ошибку, продолжив рассказ: «*Царь же Чингис живе много лет, и умре, и оттоле пресеце царство на реке Ишиме*». См. также примеры ошибок, связанных с механическим изменением исходного текста, в статье [Панин, 1994, с. 162–163].

Отсутствие единой идейно-художественной концепции, механическое со-
вмещение неоднородных в языковом отношении источников и литературная не-
опытность автора обусловила и общую языковую и стилистическую неоднород-
ность текста ПЛ.

С точки зрения представленных элементов языковой системы и их соотно-
шений в тексте ПЛ выделяется 3 типа повествования. Во-первых, это рассказ о
сибирских событиях, который почти дословно совпадает с повествованием в ЕЛ,
отражая книжный (гибридный книжный) узус, характерный для летописания, с
редкими включениями элементов языка деловых памятников и живой разговор-
ной речи. Во-вторых, это свидетельства очевидца или участника похода, геогра-
фические уточнения, сведения о московских воеводах и о составе сопровождав-
ших их воинских отрядов. Язык этих фрагментов отражает деловой и разговор-
ный узусы, книжные элементы встречаются в них редко. В-третьих, это речь ав-
тора ПЛ, заключенная в названиях глав, в пометах и отсылках, представляющая
яркое смешение книжных, деловых и живых разговорных элементов.

Если не учитывать значительный объем текстовых совпадений с ЕЛ и анали-
зировать язык тех глав и фрагментов, в которых автор ПЛ не списывает готовый
текст и не подражает образцовому тексту, а сам, как умеет, порождает текст, то
картина вырисовывается следующая.

В языке основной части повествования, близкой ЕЛ, более полно представ-
лены элементы книжной языковой стихии, идущей от текста-источника: повест-
ование ведется в формах аориста, используются книжные формы действитель-
ных причастий, оборот «дательный самостоятельный». Но последовательно вы-
держать книжный строй изложения автору не удастся. При смене регистров пове-
ствования, когда автор перерабатывает документальные источники или добавляет
личные впечатления, отмечается интерференция книжного, делового и разговор-
ного узусов. Так в текст попадают формы типа *пльвучи, гуляючи, иттить, мяжкие
рухлядь, нехто, позать* ('позади'), *бутто на помочь* и др.; отражается живое про-
изношение: *пот собою, вослет, дошетцу, на нис, блиско, опчея, з бойством, сь
его, хто, хде, оманом, воеводцкой, градцких* и под. Появляются ошибки в книж-
ных конструкциях и формах, например, в обороте «дательный самостоятельный»,
в формах аориста и имперфекта. Смешение элементов разных регистров приводит
к образованию «гибридных» форм и оборотов, например: *«Казацы же на берег
выскакаша, мужески и храбро на них наступиша»*; *«Царь же Чингис отпусти
его и рече: Хде хочешь, тут пребываеши»*.

Характерным показателем является употребление глагольных форм. Повест-
ование в ЕЛ строго выдержано в формах аориста (491 форма), *л*-формы практи-
чески не участвуют (14 форм). В ПЛ при явном преобладании форм аориста (413
форм) значительно шире представлены *л*-формы (106 форм). В основном тексте,
близком ЕЛ, формы на *-л* появляются рядом с аористом, очевидно, при ослабле-
нии внимания, так как ни функциональной, ни стилистической обусловленности в
употреблении прошедших времен в тексте ПЛ не наблюдается. В частях текста,
включающих сведения из грамот или рассказ очевидца, в роли основного времени
повествования выступает форма на *-л*, аорист же употребляется единично, скорее,
по инерции (см., например, главу «*О государевых воеводах с Москвы*», где на 15
употреблений *л*-форм лишь одна форма аориста).

Таким образом, язык вставок и уточнений отражает систему делового реги-
стра, открытого для проникновения явлений живой речи. Эти части текста харак-
теризуются не только активным использованием *л*-формы и инфинитива на *-ть*,
но и общерусскими тенденциями в системе именного и местоименного склонен-
ия, например, преобладанием окончаний *-у* в родительном и местном падежах
ед.ч. существительных м.р.: *з голоду, до приходу, 92 году, страху, от брегу, до
веку, о бою, на брегу*; а также окончаний прилагательных *-ые/-ие* вместо книжных
форм на *-ья/-ия* или архаичных на *-ии*.

Влияние норм делового узуса проявляется также в лексике и идиоматике ПЛ. Так, составитель ПЛ использует лексемы *государство*, *государь*, идиомы *государевы воеводы*, *государевы люди*, *государев*, *под государеву царьскую высокую руку подвели*, *государевым жалованным словом*, *государево жалованье*, *прозвище ему было* (ср. в ЕЛ: *царство*, *царь*, *воеводы*, *служилые людие*, *царским жалованием*, *по повелению государьскому*) и т.п. Заметны авторские предпочтения в употреблении местоимений *тот*, *то*, *он*, *его*, *ини* вместо книжно-архаичных указательных местоимений *сей*, *сие*, *сего*, *ови*.

В синтаксической организации ярко проявляется паратаксис: нанизывание предикативных единиц по способу сочинения, при этом в роли соединительного и начинательного союза наряду с союзом *и* часто употребляются союзы *а* и *да*, что характерно для языка деловой письменности [Коротчаева, 1964]. Подчинительные отношения нередко оформляются в рамках соединительных конструкций: «**И** как Иван Киреев с царевичем Маметкулом пришел к Москве 92 году, **и в то время**... царя Ивана Васильевича не стало»; «На Москве **чающе** Сибирь за государем, **и** живут в ней государевы люди»; «и многие Ермаковы казаки **и которые** с Руси люди пришли, померли в городе з голоду» и под.

Отмечены в тексте и новые союзные средства, которые относятся к сфере деловой письменности, например, временной союз *покамест*, союз *как* в функции временного и изъяснительного союза; относительные местоимения *что* и *который* в роли средств, присоединяющих определительные придаточные; союз *будто*. См. примеры: «и Ермак в тое пору убит, **покамест** сеунишки ездили к Москве»; «А на лето, как вода вскрылась, пошел ис Сибири»; «именовахом, **как** улус того Карачи Ермак взял»; «в Старую Сибирь, **что** был царя Кучюма город»; «призва к себе оманом, **будто** на помочь» и т.п.

Среди других особенностей синтаксической организации текста ПЛ, обусловленных нормами делового регистра и влиянием живой речи, следует отметить наличие эллиптических конструкций, неполных предложений, пропуск глагола-связки в настоящем времени, повтор предлогов.

Завершая характеристику языка ПЛ, необходимо особо сказать о главе «*О граде Тоболске...*». Сопоставляя тексты одноименных глав ЕЛ и ПЛ, Е.К. Ромодановская делает вывод о первичности ПЛ по отношению к ЕЛ (см.: [Ромодановская, 2002, с. 203–204]). Глава ПЛ действительно написана замечательно книжно, поэтично и эмоционально, ср.: «*И обрете место на той реке Иртыще усть реки Курдюмки, против мало пониже устья реки Тоболу, яко единыи версты, на велице горе и красно велми. А под горою на реке Иртыщу луги великие и озера все благополучные. Богом строенное место! Плавающим защита ту бури и пристанище тихо и покойно. И ту на сем прекрасном месте поставиши град и нарекоша ему имя Тоболск, ради реки Тоболы. Се же и днесь государева вотчина посреде всее Сибирской земли*». Текст представляет резкий контраст со сбивчивым и необработанным текстом соответствующей главы ЕЛ. Возможно, что существовал протограф главы, который С. Есипов неудачно сократил, а автор ПЛ включил полностью.

Сопоставительный анализ языковой организации двух текстов позволяет сделать следующее заключение. ЕЛ – единое в стилистическом и языковом отношении литературное произведение, что обусловлено единой художественно-историографической концепцией и отражает высокий уровень книжной образованности автора. ПЛ – это многослойный, гетерогенный текст, сохранивший следы переработки исходного текста. Составитель ПЛ не был скован церковно-книжными языковыми нормами, а лишь ориентировался на образцовый текст, сокращая или наполняя его конкретными деталями. Включая разного рода документальные уточнения, он сохранял текстовые «швы», не замечая, что искажился смысл, возник грамматический фантом или слово в контексте изменило значение, а элемент, органично входивший в предыдущий фрагмент, в новом окружении

стал алогизмом, не соотносящимся с содержанием контекста. Другими словами, автор ПЛ не стремился к созданию стилистически однородного рассказа в ключе книжного повествования, для него традиция летописания была нарушена, что обусловило широкое использование элементов деловой письменности и живой речи.

Литература

Данилов В.В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Вып. XI.

Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летописания. Концепция. Материалы. Новосибирск, 2000.

Живов В.М. Usus scribendi: Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics. 1995. Vol. 19. № 1.

Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.

Коротаева Э.И. Союзное подчинение в литературном русском языке XVII века. М.; Л., 1964.

Летописи сибирские / Сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991.

Панин Л.Г. О языке русской письменности Сибири (XVII–XVIII вв.) // Russian Linguistics. 1994. V. 18. № 2.

Сибирские летописи // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.

Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век // Ромодановская Е.К. Избранные труды. Новосибирск, 2002.

Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.